

Михаил Артюшин
АРГЕНТИНА

AR

Россия Аргентина
Аргентина Перу
Перу Боливия
Боливия Россия

GEN

TI

NA

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Артюшин
Аргентина

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Артюшин М.

Аргентина / М. Артюшин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В повести «Аргентина» есть сентиментальная и детективная линии сюжета, переплетающиеся в увлекательное повествование классического архетипа борьбы Добра и Зла. Все герои – имеют свои черты, характеры, мотивы, прошлое. Носители первого – обычные люди с непростой судьбой, жизненными ошибками, но имеющие нравственный стержень. Носители второго – бесчестные, однако автор показывает истоки этого душевного порока у каждого из антигероев, остатки человеческого в них, в конце концов, их смирение перед силой Добра. Эти прописанные автором психологические нюансы человеческих натур делают повествование объёмным, глубоким. События происходят в мастерски выписанных автором пейзажах России и Южной Америки, что делает повесть художественной, зримой. Содержит нецензурную брань.

Обычный рабочий день подходил к концу. Максим стоял у окна с кружкой зеленого чая, вместо сигареты, устроив себе пятиминутный отдых после череды бесконечных звонков, переговоров и совещаний. Окно его кабинета находилось в нише, образованной двумя выступающими частями здания слева и справа от окна. Выступы, около трех метров длиной, по ширине вмещавшие в себя еще по две комнаты, придуманы были архитекторами, наверное, для устойчивости двадцатиэтажного здания. Из-за этих выступов обзор из окна был ограничен. Как на ладони видны были лишь складки кровель соседних домов и чуть подальше покатая серая чаша огромной крыши Дворца игровых видов спорта.

За окном кабинета ветер наклонял ветви берез и тополей, отрывая последнюю листву от тонких веток, и отправлял мокрые от холодных дождей и первого снега коричневые и желтые листочки в недалекий последний полет на черную мякоть газона. Собрав урожай с поредевших крон замерших деревьев, он налетал на фасад высотного здания делового центра, разбрасывая в лобовой атаке на подлете к стене подхваченную с веток листву.

Беспечные в своей безнаказанности потоки воздушных масс залетали на бреющем полете под ровный слой закрепленных на стене керамических плиток. Очутившись в тесноте, зажатые прочной загородкой из сотен одинаковых керамических квадратов, вихри и ветерки в панике начинали искать обратный выход и с громким свистом вырывались на волю из всех вертикальных и горизонтальных щелей тесной ловушки, с радостным свистом вливаясь в воздушное пространство холодного осеннего дня. Потревоженные изнутри фасадные плитки недовольно шевелились и постукивали краями о металлические скобы креплений. Этот многоголосый перестук был слышен вместе с то угасающим, то нарастающим свистом через толстое стекло тройного стеклопакета.

«Опять ноябрь и такой же ветер, как тогда, в Москве, только без снега», – подумал Максим. Пару минут назад, сидя за рабочим столом, отправляя электронной почтой письмо деловому партнеру, он в этот раз почему-то не выбрал, как обычно, фамилию адресата из списка контактов, а навел курсор в строке «Кому» на клавишу с буквой «Л». Увидев услужливо заполненную компьютером строчку, где вместо ожидаемого «Ларин» высветились ее имя и фамилия, Максим вздрогнул.

Оставив кружку с чаем на подоконнике, он подошел к столу, сел в крутящееся рабочее кресло. Монитор в ожидании работы зашторился темным экраном, и Максим пошевелил его движением «мыши». Засветившаяся панель по-прежнему высвечивала на белом фоне черные буквы: «Людмила Чистова». Сидя на стуле, он оттолкнулся ногами от пола, откатился от стола к окну, закинув руки за голову, отклонился на спинку стула и закрыл глаза. Макс прекрасно знал, что сегодня тринадцатое число, но усилием воли заставил себя открыть глаза и еще раз посмотреть на календарь. Тринадцатое ноября!

– Непостижимо! Мистика или случайное совпадение? – спросил он себя. – Какая неведомая сила водила его рукой, нажимая нужные кнопки на клавиатуре, чтобы строчки с ее именем появились на экране, чтобы он вот сейчас, именно в этот день, вспомнил о ней, ушедшей из жизни ровно год назад тринадцатого ноября?!

В горле пересохло. Максим встал, подошел к окну и залпом допил из оставленной на подоконнике кружки остатки чая. Ветер за окном теперь уже равномерно, без резких порывов, без разбойничьего свиста, плотной массой налегал на фасад и на стекла оконных переплетов. Отворив створку настежь, он подставил лицо потоку холодного воздуха, бесцельно рассматривая сверху потемневшие стены соседних домов, кое-где подсвеченные редким светом из нескольких светящихся окон, и начал прокручивать в памяти их последнюю встречу.

Два года назад, по первому ноябрьскому снегу, в наступающих сумерках, он шел от станции метро вдоль Александровского сада. Ветер собирал снежные хлопья с Красной площади, подметая не успевшие прилипнуть к мокрым бульжникам снежинки, и направлял их сплош-

ной белой стеной по проходу между зданием Исторического музея и Кремлем на Манежную площадь. Встреча была назначена у памятника маршалу Жукову.

После окончания института они не виделись тридцать лет.

* * *

Традиционная встреча выпускников стройфака Магнитогорского горно-металлургического института проходила в начале июня, и из потока – около ста человек – на встречу приехали человек шестьдесят. Из их четвертой группы, численностью тридцать человек на первом курсе, к концу учебы осталось тринадцать студентов, а на встрече было и того меньше – всего шесть. Общий сбор проходил на площади перед зданием института. После ужина в ресторане бывшие студенты разделился по своим бывшим учебным группам. Их, шестерых, увез к себе на дачу Серега Вдовиченков, где они провели остаток вечера. На следующий день с утра все собрались на летней веранде, стоящей посреди зеленого газона. Через тонкий штакетник проглядывало озеро, окруженное округлыми сопками, виднеющимися через дымку уходящего утреннего тумана.

Пили чай. Серега достал альбом с фотографиями. Их группа на последних курсах фотографировалась довольно часто. Фотоателье находилось в ста метрах от института, по левой стороне проспекта Metallургов, и, бывало, после сдачи сессии или в конце учебного года они заваливались туда прямо с экзаменов.

В те времена снимки делались еще по старинке. Он и сейчас помнил тот день последнего года учебы. Как-то само собой получилось, что они с Людмилой встали рядом, во втором ряду. Он тогда был в модном, по тем временам, кримпленовом костюме бежевого цвета. Она выглядела прекрасно: светлое платье, волосы собраны сзади в обычный хвост, открытое лицо, тонкие губы, черные брови вразлет и улыбающиеся глаза. Долго ждали начала съемки. Стало жарко, и он расстегнул пиджак.

Пожилой худошавый фотограф в черном рабочем халате долго настраивал камеру, спрятав седую голову в деревянную коробку с огромным объективом, укрывшись от света черной тканью. Выглянув наконец оттуда, с видом человека, выполняющего таинственный обряд, он положил руку на объектив.

– Внимание! Снимаю! Не моргаем, не шевелимся!

Черные шторки объектива с громким щелчком раскрылись на долю секунды, увековечив таким образом на фото их лица в тот далекий год.

Тогда утром, под навесом летней веранды, просматривая общие снимки, они вспоминали друзей, не прибывших на встречу, и выяснилось, что ниточки связи между ними и теми, кто не приехал на встречу, все-таки существуют. Была информация о каждом человеке, но никто ничего не мог сказать о ней, Людмиле. Девчонки рассказывали, что она после распределения в область попала в Москву, но, переехав в столицу, подругам по учебе больше не писала. Тут и Максим вспомнил, что в середине девяностых годов ему пришло от нее письмо из Москвы. Она писала, что они с мужем занимаются редкоземельными металлами и приглашала живущих на Урале, в краю, богатом полезными ископаемыми, к сотрудничеству. Он тогда посчитал этот призыв полным бредом и не ответил ей. Время было тяжелое и смутное. Какие еще редкие металлы?! Страна выживала, и каждый зарабатывал на жизнь, как мог. И он, инженер-строитель по образованию, занимался раскруткой своей торговой точки.

С той встречи выпускников пролетело пять лет.

Наступала юбилейная дата со дня окончания института. Готовиться к ней все начали заранее. На «Одноклассниках» активно шло оповещение о предстоящей юбилейной встрече. Староста группы обзванивал всех и собирал денежный фонд, но на встречу, назначенную на начало июня, Максим приехать не смог. Так сложились дома обстоятельства. Друзья через

неделю прислали ему фотографии. На этой встрече выпускников Людмилы тоже не было. И вдруг спустя месяц, открыв свою страницу в «Одноклассниках» в разделе «гости», он увидел ее лицо. Справа от фото были указаны ее имя, фамилия и страна – Аргентина.

«Так вот она куда пропала! – подумал он. – Ну и дела! Каким ветром их туда занесло? Вот что жизнь с людьми делает!»

В прикрепленном сообщении он с интересом прочитал: «Здравствуй, Максим! Я недавно зарегистрировалась на этом сайте и, к сожалению, не знала о планируемой в этом году встрече нашей группы. Немножко о себе. Все эти годы я прожила яркой, насыщенной событиями жизнью, в основном в Москве. Сейчас мы живем в Аргентине. Пережди, пожалуйста, в сеть “Мой мир”. Там у меня много фотографий. Мне больше нравится общаться в “Моем мире”. Потом я напишу тебе обо всем более подробно. Люда».

Переписка продолжилась через неделю, когда он нашел время и наконец-то смог открыть «Мой мир» и зарегистрироваться там. Вскоре он получил ее очередное сообщение: «Здравствуй, Максим! Сейчас я ненадолго приехала в Москву. У нас выставлена на продажу квартира. Необходимо ее продать. Это последнее, что связывает нас с Россией. Если бываешь в Москве, можно встретиться!»

«Бываю ли я в Москве? – мысленно разговаривая с ней, Максим улыбнулся. – Да в месяц три-четыре раза!» В ответном сообщении он написал: «Бываю частенько».

Они обменялись телефонами, и недели через две Максим, прилетев в командировку, освободившись от дел, вечером набрал ее номер. Она находилась в Химках, в квартире, он – на юго-западе, в районе МГУ, и они договорились встретиться на следующий день вечером, в центре, чтобы удобнее было добираться и ему, и ей.

В свете прожекторов, освещающих площадь, метров за сто он увидел одинокую фигуру, стоящую спиной к Александровскому саду. Укрываясь от снега и ветра поднятым воротником, удерживая его в вертикальном положении рукой, он подошел к ней совсем близко, на расстояние двух шагов, и остановился, не зная, как ее окликнуть.

Перед ним стояла не хрупкая, стройная девушка, а чуть полноватая, одетая уже по-зимнему, в черную шубку, женщина. Через секунду она обернулась.

– Здравствуй! – она протянула руки навстречу.

– Здравствуй! – ответил он.

Они обнялись. Она чуть отодвинулась назад, поправила очки, рассматривая его несколько секунд.

– Я чувствовала, что это ты идешь! Ты совсем не изменился! Покрупнел только.

– Очень рад тебя видеть!

Она молчала и, чуть наклонив голову, все смотрела на него, словно изучала заново.

Неловкая пауза, возникшая в разговоре, затянулась, и, чтобы выйти из этого положения, он торопливо произнес:

– Ты тоже совсем не изменилась!

– Ой, да ладно! – отмахнулась она. – Будем считать это за комплимент.

– Холодно! Пойдем где-нибудь посидим, – предложил он.

– Нет, не хочу! Давай лучше погуляем.

– Хорошо! Начнем тогда с сердца Родины?

– Пойдем! – и взяла его под руку. – Ну! Рассказывай, чем занимаешься? Как семья, дети?

– Да нормально все! Все как у людей. Где я работаю, ты уже знаешь. Дети выросли. Уже внуки есть!

Потом, чуть подробнее, он рассказал ей о сыне и о дочке. Они прошли мимо здания Исторического музея, под аркой и вышли на площадь. Остановившись, она высвободила свою руку и, повернувшись лицом к церкви, перекрестилась.

Он немного удивился этому и хотел было спросить, но промолчал, а она просто сказала:

– Знаешь! Я верующей стала! – взяла его снова под руку. – Пойдем!

Они, не спеша, неторопливо беседуя, прошли мимо ГУМа, пересекли площадь, вышли на Васильевский спуск, а потом на мост.

Она долго рассказывала, о том, как оказалась в Москве, как вышла замуж и что в первые годы работала в Кремле мастером по отделочным работам, и это была сложная, ответственная и интересная работа. Они вспоминали своих друзей, однокашников по институту, она жадно расспрашивала о каждом из их группы. Незаметно вышли на Пятницкую.

Максим спросил ее:

– Как вы в Аргентине оказались?

Остановившись, Людмила ответила не сразу. Запрокинув голову, разглядывая темное небо, она несколько секунд хранила молчание, словно его вопрос застал ее врасплох. Наконец, собравшись с мыслями, глубоко вздохнув, она начала свой рассказ издалека:

– Помнишь, я тебе писала?

Он согласно кивнул головой.

– Вот с того времени все и началось, – с грустью продолжила она и рассказала, что куплей-продажей редких металлов они занимались несколько лет. – В квартире постоянно были приезжие люди. Отзывались на объявления в газетах. Приезжали и привозили все, что можно, и из Казахстана, и с Урала, и черт те знает откуда еще! Муж с ними занимался, торговался, оценивал, показывал товар специалистам, договаривался, платил деньги, брал деньги, и эта круговерть продолжалась несколько лет, пока в один прекрасный день все не рухнуло в одно мгновение. Он оказался должен поставщикам огромную сумму денег. Слава богу, квартира была оформлена на меня, и я ни за что не разрешила ее продавать. Кое-какие средства еще оставались, и мы решили на время уехать за границу.

– Почему в Аргентину? – спросил он.

– Проще всего было визы оформить, – просто ответила она. – Ты пойми! Мы просто бежали! За такие деньги нас тут запросто могли убить!

Они вышли с Пятницкой на площадь.

– Посмотри! – она показала рукой на старинное голубоватое здание в начале Большой Ордынки. – Это посольство Аргентины. Здесь буквально за два дня нам сделали визы, и мы всей семьей улетели. Я тогда первый раз начала молиться, чтобы Господь нам помог!

Для него в этом не было ничего удивительного. На встречах с бывшими одноклассниками выяснялось, что бывшие атеисты приходили к Богу даже через баптистские секты. В конце концов, верить или не верить – личное дело каждого человека.

Она охотно рассказала про своих детей.

– Ты знаешь, старшему сыну двадцать девять.

Она сделала паузу, очевидно вспомнив что-то, посмотрела на него, продолжая думать о чем-то другом, и добавила:

– Только по возрасту детей начинаешь понимать, какие мы старые! Второму сыну девятнадцать, – продолжила она, уже улыбувшись. – Ты думаешь, на этом я успокоилась?! Спустя три года еще девочку родила, Веру.

– Дочку хотела?

– Точно! – рассмеялась она. – Ей шестнадцать. Она сейчас в десятом классе. Еще и в музыкальную школу ходит по классу арфы, а я вот здесь застряла, – Людмила вздохнула.

– Они сейчас там с отцом? – спросил он.

– Нет! Мы развелись. – Помолчав, добавила: – Через год, как приехали в Аргентину, я подала на развод!

– А что так? – машинально спросил он.

– Понимаешь! В Южной Америке нравы другие. Женщины очень доступны. Вот он и не выдержал! Живет рядом. Приезжает иногда. Деньги привозит. Женился на местной.

– А с кем они тогда? – удивился Максим.

– Пока я здесь, дома старший, Илья. Присматривает за младшими. Сергей в колледже учится. Вера в школу ходит. Илья работает.

– Ну, а ты там чем занимаешься?

– Домохозяйка я, Максим. Нас огород кормит.

Несколько минут они оба молчали. Она о чем-то задумалась. Незаметно вышли на Якиманку. Прошли мимо метро и французского посольства.

«Конечно! – про себя подумал он. – Она же выросла в деревне. Огородные дела для нее привычны и понятны!»

– У вас же там тепло, наверное, по два урожая вырастает? – спросил он, пытаясь продолжить беседу.

– Да, – ответила она, вздохнув, – имея участок, там можно прожить.

Они дошли до конца улицы и повернули обратно.

– Я сегодня дочке написала, что иду на встречу со своей юностью... Я тебя так любила! – добавила она после небольшой паузы.

– Ты мне тоже очень нравилась! – тихо сказал он, окунувшись в воспоминания далеких студенческих лет.

* * *

Это было на четвертом курсе. Она изменилась после летних каникул, превратившись из прилежной девочки в привлекательную девушку. Он невольно стал засматриваться на нее и заметил ее ответное к нему внимание. Осенью был ее день рождения, на который она пригласила всю группу. Вечером собрались в ее комнате, в углу первого этажа общежития, где она жила одна. Сидели долго. Пели песни. Он играл на гитаре. Помнится, что тогда много выпили. Потом, когда все ушли, они с Людмилой остались в комнате вдвоем. Целовались до утра. Дело чуть не дошло до физической близости, но в последний момент она, испугавшись этого, оттолкнула его. Максим, одевшись, ушел в свою комнату. На другой день в институте он заметил, как Людмила смутилась, увидев его. В течение дня она избегала общения с ним, сторонилась, очевидно, чтобы не дать повода подружкам по группе для пересудов. В последующие дни Людмила вела себя так, будто между ними ничего не было. Уделяла все время учебе.

* * *

Улица заметно опустела. Ветра почти не было. Лужи кое-где начинали покрываться легкой корочкой льда. Мокрый темный асфальт и ледяные блюдца на тротуаре отражали свет от фонарей и витрин.

– Мне пора на электричку, а то потом на перекладных будет сложно добираться, – устало сказала она. – Проводишь меня? До Ярославского.

– Конечно! Давай только осторожнее, а то скользко стало, – он крепче прижал ее руку.

Выйдя из метро, они забежали в здание вокзала. Купили в кассе билет. Оставалось еще минут десять до отправления электрички. Они отошли в сторону. В тусклом темно-синем свете вокзальных ламп он видел ее глаза. Она о чем-то сосредоточенно думала. Уставшие от долгой прогулки, они уже ни о чем больше не говорили.

– Мне пора! Когда будешь в Москве в следующий раз, позвони. Хорошо?

– Хорошо, – ответил он и отпустил ее руку.

Она шагнула к парящему белым туманом выходу. Полупрозрачные, испещренные царапинами от чемоданов вокзальные двери то и дело раскрывались и закрывались то внутрь, то наружу, вылетая на улицу от толчков снующих туда-сюда пассажиров.

Людмила придержала на секунду распахнувшееся тяжелое стеклянное полотно за металлическую ручку, обернулась к нему, улыбнулась и, подняв руку в прощальном жесте, шагнула в дверной проем на холодный, темный, ночной перрон.

Он позвонил через две недели, позвонил днем, чтобы заранее договориться о встрече.

– Привет! Я в Москве! Как дела? Увидимся?

– Нет, Максим, ты меня извини. Завтра наконец-то сделка по квартире. Цепочка очень сложная. Четыре человека завязаны. Не могу сегодня. Документы готовить надо. И завтра день сложный! Давай я тебе позвоню, когда с делами закончу.

Он согласился, но и на другой день она не позвонила. Вечером он улетел обратно. Так они больше и не увиделись.

* * *

Было раннее утро. В оставшиеся после сборов в дорогу три часа она так и не смогла заснуть. Накопившаяся усталость закрывала глаза, но пустые гулкие комнаты не давали уснуть, вызывая в памяти картины прожитых в этих стенах лет.

Щемящее чувство от расставания с родным домом, где каждая половица, окна, двери, стены помнили ее руки, где ее малыши выросли и начинали делать первые шаги, никак не покидало и не отпускало ее встревоженное сердце.

«Все ли она правильно делала в своей жизни в последние годы? – спрашивала она себя, и не могла дать твердый убедительный на этот вопрос ответ. – Зачем? Зачем они уехали отсюда?» – и соглашалась с собой, что так было надо!

Такси она заказала еще с вечера. Прощаясь с квартирой, Людмила медленно обошла все комнаты. Здесь был их дом. Семейный очаг. Она ходила от окна к окну и подолгу смотрела сквозь морозные узоры в ночное московское небо, зябко кутаясь в шаль, рассматривала в темноте заснеженный пейзаж лесопарка, подсвеченный ночными фонарями.

«Надо собираться, – подумала она. – Такси должно скоро приехать».

В конце улицы появились два желтых огонька. Они постепенно увеличивались в размере и приближались к дому, выхватывая пучками света из темноты растущие с края лесного массива деревья. Вскоре желтая «Волга», с черными шашечками на дверях, остановилась у их подъезда, и зазвонил телефон: «Такси заказывали?»

– Да-да! – немного рассеянно ответила она. – Сейчас спускаюсь!

Уже надев шубку, проверив билеты и документы, она устало присела на диванчик в прихожей, на дорожку. Багажа с собой – одна сумка. «Все! Надо ехать! Господи, благослови!» Ключи от квартиры она с вечера передала новым хозяевам и, выходя, просто захлопнула дверь, оставив за ней все свое московское прошлое.

До Шереметьево доехали быстро. Шереметьевский зал в этот ранний час был необычно пуст. Ночные рейсы все прибыли, видимо, во время, и обычной суеты в зале прибытия не наблюдалось. На ее утренний рейс, на Анкару, регистрацию начали без задержки. Билет с конечным адресом – Буэнос-Айрес – у пограничной службы удивления не вызвал. Уставшая от ночной смены девушка, с двумя звездочками на погонах, равнодушно шлепнула штамп на талон регистрации.

Уже в самолете, сидя у иллюминатора, она смотрела вниз, на уплывающую под крылом самолета Москву, и никак не могла сосредоточиться и дочитать молитву. Начинала «Отче наш...», а мысли были совсем о другом: «Наверное, Москву вижу в последний раз! Квартира продана, больше с Россией ничего не связывает. Столько планов на эти деньги! И учеба младших, и дом надо отремонтировать».

Тепло становилось на сердце и на душе при мысли о встрече с Максимом. «Какая же это сложная штука – жизнь!» – подумала она, жалея, что обстоятельства не позволили ей

встретиться с ним еще раз до ее отъезда. Только когда облака плотной белой завесой закрыли видневшиеся внизу квадраты полей, извилины дорог, с кое-где еще горящими цепочками огней от столбов освещения, она прочитала «Отче наш...» три раза и немного успокоилась. Перелет предстоял нелегкий: Анкара, затем Барселона, Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айрес.

Только вечером следующего дня, пройдя таможенную зону аэропорта Хорхе Ньюбери, она увидела встречающего ее старшего сына.

Жизнь вошла в свой привычный круг. В круговороте домашних дел и забот она находила время иногда заглянуть в Интернет, но чаще всего поздними вечерами всецело отдавалась появившемуся недавно увлечению. Первая проба вышивки бисером небольшой иконы Спасителя, год назад, оказалась весьма удачной. Ежедневно, когда дом погружался в тишину, она находила время для этого занятия, и ничто не мешало и не отвлекало ее от завораживающего создания картины. Не одна попытка уходила на то, чтобы подобрать нужный цвет стеклянных шариков-бусинок и затем аккуратно закрепить их на полотне ниткой. И она, жаворонок по жизни, привыкшая рано ложиться и вставать, теперь, увлеченная работой, засиживалась до рассвета. Икона получилась. Она сфотографировала ее. Фотографию повесила на стену, пониже стоящих на треугольной полке в правом углу больших икон Иисуса Христа и Богородицы. В воскресенье отнесла белое полотно с вышитым ликом Христа в церковь. Батюшка после службы, принимая в дар ее работу, сказал:

– Это тебе Господь Бог помогает! Продолжай во славу Божию, если душа просит!

Через пару месяцев было вышито полотно с ликом Богородицы, затем Николая-угодника и в течение года еще три иконы. Все иконы она сфотографировала, потом развесила цветные снимки на стене, в рамках, оставляя их для себя, на память. Сами же вышитые работы с ликами святых, искрящиеся цветной мозаикой мелких бусинок, по-прежнему относилась в храм. Накопившиеся фотографии она вскоре разместила на своей страничке в Интернете, чтобы показать знакомым и друзьям.

Сейчас, после возвращения из Москвы, у нее наконец появилась возможность приступить к давно задуманной работе. «Плащаница Господня! Да! Она может получиться, и это надо сделать!» – сказала она себе.

В Южном полушарии заканчивалось лето. Необходимо было заниматься уборкой урожая, заготовками, консервацией овощей. Совсем мало времени оставалось на вышивание и еще меньше на переписку в Интернете.

* * *

В один из дней, на перепутье лета и осени, встречные ветры с Тихого океана и Атлантики принесли ужасный циклон. Тучи накапливались в небе над городом и окрестностями в течение дня, темнея с каждым часом, сбивались в кучу, затягивая небо в один спрессованный энергией двух океанов комок, но не проливались дождем. Влажный ветер встречными потоками, одновременно летящими и с запада, и с востока, удерживал темно-синие полотнища над землей, подпитывая и наполняя их дополнительной влагой. К концу дня неожиданно затих ветер, замерла на деревьях листва. Из какофонии обычных звуков исчезло привычное щебетанье воробьев, только что, минуту назад, веселой стайкой прыгавших по квадратам тротуарной плитки. В застывшем воздухе повисла звенящая тишина. Собаки, обычно в дождь забиравшиеся под навес, скуля, царапали лапами входные двери и ни за что не хотели оставаться на улице. Людмила запустила их в дом и вышла на крылечко. Резкий порыв ветра наклонил кусты туи, посаженной в ряд, как зеленый забор, до земли, принесся с собой обрывки зелени с огорода.

Стало необычно темно. Увидев в небе черно-серую громадину тучи, закрывшей полнеба, она добежала до машины, стоящей у ворот, завела ее и загнала под навес. В следующую секунду на бетонную плитку с громким стуком упали, разлетаясь на мелкие кусочки льда, первые гра-

дины. Открыв зонтик, она добежала до крыльца, где через стекла входных дверей ей махали руками младший сын и дочка: «Мама, скорей!»

Град размером с куриное яйцо в течение пяти минут крушил крыши домов, навесов, разбивал стекла машин, оставленных соседями на улице, втоптывал в грязь все живое, растущее на земле, что еще пять минут назад впитывало благодатную влагу своими корнями, копило солнечную энергию, зеленело.

Еще полчаса после града хлестал холодный ливень. Солнце выглянуло внезапно, ярко, вмиг, подобно вспышке, осветив избитые градом и залитые водой темные улицы. Ледяные шары, устлавшие траву вокруг деревьев, вперемешку со сломанными ветками и разорванными листьями, неожиданно засверкали холодным светом, отражая во все стороны блики солнечных зайчиков. Бетонные дорожки на всем участке, площадка у дома были покрыты сплошным слоем разбитого льда.

Вера собрала прозрачные холодные ледяные шары в большой таз: «Мама, сфотографируй!» Вечером, когда все успокоилось, Людмила села за компьютер и поместила фотоснимок в Интернете – ее дочка держит на руках перед собой наваленные горкой на металлическом подносе ледяные прозрачные градины размером с куриное яйцо.

* * *

Земной шар по-прежнему крутился вокруг своей оси, отсчитывая дни и месяцы для обоих полушарий, раз в году, подставляя солнышку для прогрева свои промерзшие северные бока, принося тепло и зеленую бурлящую весну замершей северной половине, меняя жаркое южное лето в Аргентине на желто-золотую красавицу осень. Но смена времен года, ветра и штормы океанов никоим образом не задели паутину глобальной Сети, опутавшей шарик с Северного полюса до Южного.

В начале апреля, открыв свою страничку в «Моем мире», Максим прочитал сообщение: «Максим! Поздравляю тебя и твою семью со светлым Христовым Воскресением! Счастья, здоровья, успехов и благополучия тебе и твоей семье!»

Через две недели он поздравил ее с днем рождения, получив в ответ: «Спасибо, Максим! Приятно получить поздравление от старого друга!»

В очередной раз открыв Интернет, он увидел фотографии ее мозаичных бисерных икон и написал: «Здравствуй, Люда! Поражен твоими работами! Вера – дело святое! Каждый из нас к ней приходит сам. Спасибо, что показала такую красоту! Даже трудно представить, сколько нужно терпения, но, по себе знаю, когда чем-то увлечен, то времени не замечаешь и никакая усталость не берет!»

* * *

Воскресный день Людмила встретила с рассветом, устало глядя на только что законченную работу. Заглянувшее в окно солнце осветило нижний край бисерной мозаики на белоснежной ткани плащаницы. Преломившиеся в стеклянных горошинах солнечные лучи брызнули в разные стороны разноцветными бликами, разбросав на белом потолке и стенах переливы красок.

На воскресную службу она опоздала. Под главным сводом церкви лицом к алтарю молился настоятель храма. Услышав за спиной стук женских каблуков, священник обернулся.

– Отец Дмитрий! Здравствуйте! – поздоровалась Людмила.

– Здравствуй, матушка! – с улыбкой ответил он и, повернувшись лицом к алтарю, закончил молитву, осеняя себя крестным знаменем.

Людмила тоже перекрестилась и по привычке осмотрела иконостас.

Свечи, поставленные прихожанами перед алтарем, догорали, истратив себя в молитвенном горении до укороченных малых огарочков. Пламя на их верхушках с хаотичными наплывами и нагромождениями воска металось от залетавших внутрь порывов сквозняка, судорожно цепляясь за ниточные сердцевины свечей, еще удерживаемых остатками скатанного, спрессованного воска.

Сзади послышался звук шагов. Кто-то медленным шагом приближался к алтарю. Мужчина славянской внешности, среднего роста, в черной спортивной футболке, стриженный почти наголо, поднес свечу к одному из догорающих лепестков пламени и зажег свою.

Батюшка повернулся к Людмиле:

– Слушаю тебя, матушка.

– Отец Дмитрий, я хотела узнать, может, кто в Москву скоро полетит? Плащаницу вот хочу передать! – она развернула полотно на руках.

– Хорошо! – медленно, тихим голосом произнес ошеломленный священник, не отрывая взгляд от переливов бусин, тускло мерцающих в отсветах слабого освещения и в отблесках свечей.

– Да! Наверное, можно! – и, словно спохватившись, спросил: – Ты же недавно сама прилетела из Москвы!

– Да! Недавно вернулась! – ответила Людмила, вздохнув. – К сожалению, я там продала четырехкомнатную квартиру. Знакомых и родных в Москве нет! Теперь все мы здесь!

Справа послышался негромкий кашель. Людмила оглянулась. Мужчина, стоящий у свечного столика, повернулся и неторопливо пошел на выход.

– Хорошо! Оставляй это чудо творения рук человеческих! Владыка скоро собирается в Москву. Думаю, просьбу твою он выполнит, – настоятель перекрестился на икону Иисуса Христа, затем повернулся к Людмиле и сказал: – Господь Бог отблагодарит тебя за старания! Ступай, матушка, с Богом! Да хранит тебя Царица Небесная!

Людмила вышла из ворот церкви, подала милостыню сидевшему на асфальте старичку-инвалиду, прошла до стоянки и села в машину. Следом за ней, отделившись от стены церковного каменного забора, увитого плющом, бросив недокуренную сигарету мимо урны, мужчина в черной футболке быстрым шагом прошел к стоящему в стороне черному спортивному «мерседесу». Черная машина сопровождала ее до самого дома. Слежки она не заметила.

В этот вечер, свободный от творчества, она уделила внимание всем друзьям, отправив им с десятков сообщений. Одно из них прилетело на адрес Максима: «Здравствуй, Максим! Рада, что отозвался и оценил мои труды. Когда делаешь такие вещи – Бог помогает! Делала ночами. Плащаницу вышила и сама не поняла как. Отправила ее в Москву со знакомым священником. Мои работы все в храмах. Дома только фото и первые мои небольшие иконы».

Черный «мерседес» в течение недели появлялся на улице, меняя места стоянки. Как коршун в небе высматривает добычу, так он кружил вокруг дома русских эмигрантов, сопровождая на отдаленном расстоянии передвижение детей, выезды Людмилы в город.

* * *

Россия.

Наступившее лето принесло Максиму массу текущих забот как на работе, так и дома. Вечернее время в рабочие дни и выходные были заняты работой в саду. Максим редко, может, раз в месяц, заглядывал в домашний компьютер. Пришедшие сообщения он мог пересчитать по пальцам. В июне дочка выслала фотографии из Греции, с острова Родос, где они отдыхали семьей. В июле приходили сообщения от сына из Испании, где он с женой и двумя сыновьями отдыхал на Майорке.

Осенью, в начале сентября, Максим заглянул в Интернет, открыл свою страничку. Сообщений из Аргентины не поступало. Он не придавал этому большого значения. Если человек не общается в Интернете, значит, ему просто некогда. Есть дела важнее. Только в конце октября, просматривая почту, Максим открыл «Мой мир» и, как гром среди ясного неба, прочитал сообщение, размещенное Людмилой на ее страничке для всех пользователей: «Люди добрые! Помогите! У меня пропала дочь Вера! Упорно ищем уже пять месяцев! Думаем, что держат злые люди! Верим, что жива! Помолитесь, кто может, чтобы указал ей Господь дорогу домой!»

Первая мысль была: «Вот почему ее не было пять месяцев в Интернете!», «Как и чем можно помочь?!» – подумалось следом.

Около полусотни ответов находилось под текстом ее сообщения. Совершенно незнакомые люди искренне выражали сочувствие, писали, что если дочку украли, то этих уродов, которые это сделали, нужно казнить! Кто-то посоветовал обратиться к экстрасенсам, на что Людмила ответила: «Обращались к ясновидцу. Он сказал, что жива, а где она, не сказал!»

Максиму было ясно, что в таких случаях в первую очередь необходимо обращаться в полицию, но он тут же подумал: «Прошло уже пять месяцев, и сейчас глупо советовать обращаться в полицию, поскольку они это давно уже сделали!»

Этот крик души матери, потерявшей ребенка, был обращен к людям в последней надежде, что у кого-то проснется совесть, и он вернет девочку домой, что кто-то узнает о похищении и, увидев девочку у кого-то в неволе, сообщит.

Пять месяцев мучительных переживаний! Пять месяцев неизвестности и ожидания привычного звонка в дверь, легкого перестука каблучков и раскинутых в сторону рук дочки, летящей в объятия мамы! Пять месяцев бессонных ночей!

Максим представил ее состояние, близкое к помешательству. Он понимал, что ничем помочь ей не может! И не знал, что ей написать, все, что бы он ни посоветовал, будет глупо! В ее состоянии ей нужна только дочка, и немедленно! Сию же минуту! Потому что эта боль невыносима! Он представил себе, сколько молитв прочитала Людмила ночами, на коленях, перед иконами при свете восковой свечи, в отчаянии взывая к скорбному лику Спасителя и ко всем святым о помощи, и как Божья Мать, с младенцем на руках, скорбно смотрела на нее с иконы в ответ на ее молитву, сочувствуя материнской доле.

«Ребенка похитили, скорее всего, не так просто! – подумал он. – Что-то им нужно! Значит, скоро они должны проявиться из своего гнилого подполья!»

* * *

Аргентина.

Двое мужчин славянской внешности сидели за стойкой бара, потягивая текилу. Говорили по-русски, не боясь, что кто-то поймет их разговор.

– Слушай, Бугор! Че ты тянешь с девчонкой? Баксы за нее можно было срубить еще полгода назад! Долго еще ее держать? Хуану за ее кормежку и охрану платить надо! – недовольно высказывал лысоватый, полный, круглолицый мужчина лет тридцати сидящему рядом с ним коротко стриженному блондину спортивного телосложения, по виду старше его лет на десять, одетому в джинсы и черную майку с короткими рукавами.

Щелкнув золотистой зажигалкой, Бугор закурил сигарету.

– Жорик! Ты что, думаешь, я от нечего делать держу девчонку у Хуана на ферме взаперти, кормлю ее пять месяцев? Я тебе вот что скажу: мы в Питере эту практику уже проходили. Чечен у нас был консультантом. Чтобы человек отдал деньги, не задумываясь, причем все деньги, он должен созреть для этого! Его сломать надо! А для этого нужно время.

Глотнув текилы и отставив стакан в сторону, он продолжил:

– Не бузи! Я думаю, клиент созрел! Надо заставить ее собрать нужную нам сумму. Деньги у нее есть, ты знаешь. Она в Москве хату продала. Это точно! Я сам слышал! Сделаем так. Хуан завтра ей позвонит, пусть она думает, что это местные аборигены ее дочь прячут, скажет, чтобы она приготовила деньги. Ты должен отследить, снимет она деньги в банке или нет. Ну а потом – дело техники!

– А с девчонкой что будем делать? – шепотом спросил Жорик.

– А ничего! Пусть живет. Зря мы ее кормили? Девочка подросла. Ей уже семнадцать! Товар свежий! За свежий товар и цена хорошая! В Колумбию отправим! Придется потратиться на перевозку. Так что не грусти, Жора! Пристроим ее в элитный бордель!

Бугор взял левой рукой стакан с остатками текилы, правой гася сигарету в пепельнице.

– Главное, чтобы она со счета наличные сняла! – протянув стакан к почти пустому Жорикому, чокнувшись с ним, добавил: – Давай! За удачу! Завтра вечером мы с Хуаном делаем ей звонок!

Допив текилу, он хлопнул Жорика по плечу:

– После нашего звонка ты пасешь ее с самого утра от дома! Не подведи!

* * *

Звонок городского телефона раздался поздно, за полчаса до полуночи, и сразу встревожил ее. Сыновья сегодня были у нее, и значит, кто-то чужой. Людмила быстрым шагом вышла в коридор и сняла трубку. Хриплый, неприятный мужской голос по-испански спросил:

– Сеньора Чистова?

– Да! – негромко ответила она, мгновенно ощутив жуткое волнение. «Это, наверное, полиция!» – мелькнула первая спасительная мысль.

– Да-да, говорите! – закричала она в трубку.

– Не надо кричать, сеньора! Ваша дочь у нас! Готовьте пятьсот тысяч долларов, и мы с вами договоримся об условиях обмена. Да, и не стоит обращаться в полицию, а то мы можем передумать! – добавил он после небольшой паузы.

Мысли бешено крутились в ее голове. Сердце неистово колотилось и выпрыгивало из груди. Она вспомнила, что где-то слышала в фильмах подобные диалоги. «Боже мой, это все происходит со мной!»

Она так долго ждала любого звонка, но сейчас, в этом состоянии, не была готова к такому разговору.

– Дайте телефон дочке! Я хочу услышать ее! Где моя дочь?! – срываясь в истерику, закричала она, держа перед собой на уровне глаз трубку телефона, словно пыталась разглядеть в темной пластмассе звонившего, увидеть за его спиной лицо Веры.

– Сеньора! Вы имеете дело с серьезными людьми. Думаете, я бы стал вам звонить из того места, где находится ваша дочь?

В трубке послышался смачный плевок, затем пауза и шумный выдох с легким, хриплым покашливанием курильщика:

– Готовьте пятьсот тысяч! И заметьте, не песо, а американских долларов! Когда мы увидим вас выходящей из банка, вы услышите голос дочери и узнаете, как она сможет вернуться домой! – в трубке зазвучали короткие гудки.

* * *

Тревожная ночь прошла без сна. Это был первый звонок за долгие пять месяцев неизвестности. Как ни странно, но теперь этот звонок вернул ей надежду, что ее дочка жива! Стало понятно, что исчезновение Веры не связано с несчастным случаем. Ее похитили! Теперь эта

основная версия подтвердилась! Похитители вышли на связь. Ну что ж, главное, что ее ребенок жив, а она ничего не пожалеет для ее возвращения! Деньги – не проблема! Накопления на счете и деньги от продажи квартиры позволяли набрать нужную сумму выкупа.

Она напряженно думала: «Этот киднепинг не отголосок ли их прежней московской жизни?» Но отбросила это предположение. Этот тип был аргентинец, в этом не было никакого сомнения! В этом страшном и одновременно обнадеживающем телефонном разговоре не было и намека на их прошлое в Москве!

Взвешивая все за и против, Людмила к утру приняла решение снять деньги со счета и ждать звонка этих мерзавцев.

«Может, и правда!» – она убедила себя, что это будет именно так, что наконец-то ее молитвы услышал Бог, и завтра будет очередной звонок. Они назначат место встречи, и она будет ждать их в том месте, куда они привезут дочь, и она отдаст им эти чертовы деньги!

Людмила представила себе, как она ждет этих негодяев, припарковав машину у края дороги, и в подъехавшей рядом машине медленно опускается затонированное стекло, открывая, как в замедленной киносъемке, лицо Верочки: сначала ее темную челку, затем лоб и глаза. Губ она не увидит. Она увидит зовущие тревожные глаза, кричащие слово: «Мама!» Через секунду из окна машины она услышит тонкий крик сорванного голоса дочки!

Все это она представила себе так ясно, что у нее не осталось и тени сомнения, что это будет именно так, что завтра закончится это невыносимое томительное ожидание. Она окончательно убедила себя, что столь ясно нарисованная картина предстоящего дня, возникшая у нее в сознании, ниспослана ей Богом после всех ее молитв для того, чтобы это видение укрепило ее и она обрела силы и смелость для освобождения дочери.

Она не сообщила старшим сыновьям о вечернем звонке похитителей, боясь, что они возьмутся за это дело сами или привлекут полицию. У гангстеров всегда есть в полиции информаторы, и тогда... Она не захотела думать, что же будет тогда! Она приняла кажущееся ей единственным в этой ситуации правильное решение – все сделать самой, материнским чутьем решив не подвергать сыновей опасности.

Людмила подъехала к банку к восьми утра. Банк открывался в девять. Она, вся в нетерпении, дождалась его открытия и первая, мимо раскрывшего двери охранника, быстрым шагом вошла в высокий, прозрачный банковский зал.

Процедура снятия наличных не заняла много времени, и через полтора часа она уже вернулась домой. Остаток дня прошел в томительном ожидании. Людмила несколько раз, очнувшись от мыслей, обнаруживала себя стоящей у тумбочки с телефоном. Ожидая звонка, она поднимала трубку, проверяя, работает ли он. Гудок из трубки вылетал мгновенно, нарушая застывшую в доме тишину громким звуком.

Еще днем Сергей позвонил ей на сотовый и предупредил, что будет ночевать у Ильи. Вечером он и брат со своей девушкой собрались погулять по центру города, посидеть в кафе. Илья вот уже два месяца снимал небольшую квартиру недалеко от центра, поэтому она за Сергея была спокойна. Верочка – вот ее боль, и за ее возвращение домой живой, здоровой и невредимой она отдаст все на свете!

Доставая из сумочки сотовый телефон, Людмила коснулась рукой пачки денег и от неожиданности вздрогнула. «Господи! Деньги!» – она совсем забыла про них! Переложив упакованные пачки бумажных купюр из сумки в полиэтиленовый пакет, она зашла в свою комнату и, ни капли не сомневаясь, засунула пакет за иконы, на полку, со словами: «Господи! Спаси и сохрани! Заступись, Царица Небесная! Спаси мою доченьку!»

Немного успокоившись после молитвы, она вышла в прихожую и, услышав лай собак, посмотрела во двор через стекло входной двери. Собаки отрабатывали свой хлеб, дежурно, незлобиво облаивая проходящего по улице мужчину.

«Надо почту проверить!» – вспомнила она, наткнувшись взглядом на калитку. Людмила вышла из дома и, боясь пропустить телефонный звонок, быстро добежала до почтового ящика, одиноко висевшего рядом с калиткой, над сеткой забора. Все эти долгие месяцы она с фанатичным постоянством по нескольку раз в день открывала дверцу ящика и уже давно перестала закрывать ее на замок. Не доверяя темноте круглых отверстий на боковой стенке ящика, Людмила привычными движениями проверила его содержимое, прощупав дно рукой. Почты не было. Каждый раз она с замиранием сердца открывала дверцу ящика, как окно в неизвестность, в надежде обнаружить здесь хоть какую-нибудь весточку.

Она мысленно представляла себе, что это могло бы быть сложенное в маленький треугольник письмо от Веры или записка на оборванном, грязном клочке бумаги от похитителей, с грубыми, ужасными, корявым почерком написанными словами! Ведь самое ужасное – это неизвестность! А сегодня она забыла про почту. Вчерашний звонок все переменял и вселил надежду.

Она быстро поднялась по ступенькам, на ходу прислушиваясь, не звонит ли телефон. Войдя в дом, она перетащила из гостиной в прихожую кресло, поставив его к окну, ближе к телефону.

Розовый южный закат прятал солнце за вершинами Анд, и темнота наступила неожиданно и быстро. Людмила сидела у открытого окна, залетал теплый ветер, раздувая и поднимая белые тюлевые шторы. Опустевший дом хранил полное молчание. Лишь изредка с улицы доносился шум от проезжающих машин и редкий, ленивый лай собак.

Телефон молчал. Утренняя уверенность сменилась тревожным чувством – что-то происходит не так. Еще днем ей показалось, что от банка за ней на небольшом расстоянии постоянно следовала черная машина. Это был «мерседес», который сопровождал ее по городу, но потом, на въезде в коттеджный поселок, «мерседес» пропал, проехав, видимо, дальше по трассе. Несколько раз посмотрев в зеркало заднего вида, она не увидела ни одной машины на всем протяжении своей улицы и списала это кажущееся ей преследование на усталость и проявленную ею элементарную осторожность, связанную с получением крупной суммы денег.

Но сейчас, вспоминая вчерашний телефонный разговор с похитителями, она вспомнила фразу, которой сразу не предала значения: «Когда мы увидим вас выходящей из банка...» «Они следили за мной! Теперь они знают, что я приготовила деньги!» – сделала она окончательный вывод. Подумав, хорошо это или плохо, Людмила решила, что главное для спасения дочери – это выполнение всех условий похитителей. Теперь они убедились, что деньги приготовлены и, значит, препятствий для обмена дочери нет! Надо ждать!

Она сидела, откинувшись на спинку кресла, с закрытыми глазами, ощутив внезапно возникшую одышку и учащенное сердцебиение. Спасительный поток свежего воздуха, залетающий порывами в окно, ласково шевелящий волосы, и знакомые запахи сада постепенно вернули ей нормальное дыхание.

Не было сил встать, включить, как обычно, освещение у входа в дом, запереть на ночь входную дверь. Она решила, что сделает это позже. А сейчас ей совсем не хотелось вставать. Ей не нужен был и свет в комнате. Хотелось посидеть в темноте. Она должна отдохнуть, прийти в себя и быть готовой к любым испытаниям завтрашнего дня. Она сильная! Она все выдержит! Она все сделает для спасения Верочки! Главное – дождаться звонка!

Яркая полная луна через окно освещала стену прихожей с прислонившейся к ней тумбочкой с телефонным аппаратом. Обессиленная, уставшая женщина спала в рядом стоящем кресле.

* * *

Бугор с Хуаном вышли из машины на перекрестке кварталов, отправив Жорика на стоянку к супермаркету, где напротив магазина находился полицейский участок. На подходе к дому Чистовых, выделявшемся в темноте лишь светлым пятном левой стены, освещенной лунным светом, Бугор достал телефон:

– Слышь, братан! Мы тут на подходе. В доме-то нет никого! Ни одно окно не горит! Ты когда нас забирал, ты что сказал? Что баба дома! Одна! Где она, Жора?

– Слышь, Бугор! Дома она! Падлой буду! Давай, я щас подъеду! – слышалось в ответ.

– Ты че, машину хочешь засветить? Жди, где сказал! – раздраженно, с угрозой в голосе перебил подельника Бугор. – Копов смотри! – уже мягче продолжил он. – Если они поедут на патрулирование в нашу сторону, позвони, чтоб мы на них не напоролись!

Отключив телефон, Бугор шагнул с тротуара на асфальт и, переходя дорогу в направлении дома, пробормотал себе под нос: «Спит она, похоже! Дом придется обшмонать! Деньги она точно сняла и из дома не выходила!»

Они шли к дому не торопясь, с остановками, оглядываясь в начало улицы, осматривая окна и дворы соседних домов, как волки, оценивая степень опасности или легкости предстоящей охоты, высматривая в темноте добычу. Хуан, шаркая подошвами каблучков, шел на полкорпуса сзади, курил зажатую в зубах сигару, делая глубокие затяжки на коротких остановках.

Они подошли к дому. Крыша заслонила луну, тенью накрыв весь двор и прилегающий участок дороги. В темноте огонек сигары Хуана, вспыхивая время от времени, высвечивал в темноте скуластое лицо потомка ацтеков, с узкими раскосыми глазами, широким приплюснутым носом. Черные, как смоль, волосы, собранные в хвост, сливались с темнотой ночи.

Добросовестные дворняги, подобранные когда-то детьми Чистовых, отчаянно бросились на непрошенных ночных гостей, кидаясь на сетчатый забор со злобным устрашающим лаем и рычанием.

Две пули в упор, выпущенные Хуаном из «беретты» с глушителем в собачьи головы, установили прежнюю ночную тишину во дворе дома. На встревоженной улице еще некоторое время слышны были отголоски собачьего лая из соседних домов, но вскоре и они затихли.

Сняв калитку с петель, Бугор с Хуаном вошли во двор. Бугор жестом показал Хуану обойти дом с левой стороны, показывая одновременно, что сам обойдет справа.

Осмотрев дом по периметру, вскоре они вернулись к крыльцу.

– Пошли! – Бугор жестом показал направление движения наверх, в дом.

Людмила не услышала ни яростного, но вдруг захлебнувшегося лая собак, ни звуков тяжелых шагов по ступенькам крыльца, ни скрипа медленно открывающейся входной двери. Слабый луч света от встроенного в сотовый телефон фонарика осветил ее со спины, сидящую в кресле в пол-оборота лицом к окну.

Она проснулась от внезапно навалившейся на нее темной силы, развернувшей и прижавшей ее голову к креслу. Первое, что она почувствовала, окончательно проснувшись, запах табака, исходивший от потной руки, зажимавшей ей рот. Открыв глаза, она увидела в слабом мерцающем голубом свете склонившееся к ней искаженное злобой лицо, с узкими глазницами и темным провалом на месте глаз. Ужас сковал все ее тело. Из груди вырвался крик, прозвучавший мучительным стоном. Хуан всей силой вдавливал ее голову в кресло. Пытаясь перехватить ее руку, вцепившуюся ногтями в его лицо, Хуан на долю секунды ослабил хватку. Мотнув головой в сторону, Людмила получила возможность короткого спасительного вдоха, вырвавшегося следом из ее легких криком ужаса и отчаяния. В следующее мгновение ее открытый рот сомкнулся на руке нападавшего, зубы вошли в мякоть ладони до кости.

– Сука-а! – дико заорал Хуан и со всей силы кулаком ударил Людмилу в лицо, выдернув левую прокушенную кисть из зубов обмякшей жертвы.

Она очнулась в кресле. Было трудно дышать. Рот был заткнут какой-то тряпкой, от которой тошнило и которую она никак не могла выплюнуть. Руки были больно стянуты обрывками телефонного провода. Было по-прежнему темно. Из комнат доносились звуки закрывающихся створок оконных рам, перестук колец задерживающихся штор.

Кто-то вошел в прихожую и включил свет. Этот кто-то стоял слева от кресла, но она его не могла рассмотреть. Левый глаз заплыл и открывался только маленькой щелочкой, сквозь которую она видела дверь в прихожей и расплывающиеся контуры телефона.

Рядом раздался режущий слух звук русской речи: «Хуан! Мать твою!» И следующая фраза: «Иди сюда!», произнесенная уже на испанском, заставила ее невольно ухмыльнуться. «Соотечественники! Вот оно что! И аргентинец, скорее всего, нанят ими за деньги!» – подумала она.

Людмила сидела с закрытыми глазами, стараясь не шевелиться. Теперь она была почти уверена, что с дочкой произошло что-то непоправимое. Иначе почему они не назначили встречу, а вот так по-разбойничьи ворвались в дом? Им нужны деньги! А вернуть Веру они не могут! «Это конец!» – обреченно подвела она итог собственным размышлениям. «Этот русский, что он делает здесь, в Аргентине? Наверняка сбежал на край земли, спасаясь от темного прошлого! Такой не пощадит ни дочку, ни меня!»

В очередной раз она мысленно взмолилась, обращаясь к Богу: «Господи! Спаси и сохрани моего ребенка! Защити его от зла, от боли и страданий! Порази громом небесным этих подонков! Прошу тебя, Господи!»

Мысленно соединив пальцы в щепоть, она перекрестилась, представляя лик Спасителя, такой знакомый ей до каждой черточки, до каждой точки, на вышитых ее руками иконах.

– Хуан! Мать твою! – громче повторил русский и, не дождавшись ответа, пошел в сторону кухни, откуда доносился перестук открываемых створок шкафов, грохот выдвигаемых ящиков, звон посуды.

Хуан стоял на кухне у стола, заматывая бинтом прокушенную руку.

– Убью сучку! – по-испански громко сказал он, увидев в дверях Бугра.

– Хуан! Мать твою! Фак! – заорал на него Бугор, перемешивая слова на русском и на английском. – Ты и так ее уже вырубил. Деньги искать надо! Мани! Мани! Хуан! Ищи! – он рукой описал полукруг, указав на кухонные столы и шкафы, пальцем ткнув в стену соседней комнаты.

Они начали повальный обыск. Выворачивая книги из шкафа, вытряхивая вещи с полок, срывая с вешалок платья, костюмы, пальто, в течение получаса они перевернули все в большой комнате и ничего не нашли, кроме золотых украшений Людмилы, открыто лежащих в шкатулке. Утомленные разрушительной работой, они вернулись на кухню.

Хуан открыл холодильник, осмотрел содержимое на полках, проверил морозильную камеру:

– Мани ноу! Бир ноу! Виски ноу! Текила ноу! – сплюнув, прохрипел аргентинец, захлопнув со злостью дверцу холодильника. Подойдя к мойке посуды, он долго и жадно пил воду из крана, оставляя грязными губами желтые разводы никотина на блестящей никелированной поверхности. Вытерев грязное потное лицо белоснежным кухонным полотенцем, Хуан вышел из кухни следом за главарем.

Они вышли в прихожую. Бугор взял с полки вязаную спортивную шапку и, подойдя к Людмиле, натянул ее ей на голову до кончика носа, закрыв глаза. Грубо, наотмашь, слева и справа он неожиданно ударил Людмилу по лицу.

От боли Людмила застонала.

– Очухалась?! Если не будешь орать, открою рот! Кивни головой, если согласна!

– Да! Хорошо! – пыталась сказать она, но через кляп слышалось только невнятное мычание. Она кивнула головой.

Бугор резко выдернул кляп.

Удержавшись от рвоты, Людмила с отвращением несколько раз сплюнула в сторону, на пол, накопившуюся во рту грязь и сделала несколько глубоких вдохов.

– Что вам нужно?! – еле слышным шепотом, негнуцимся языком, еле-еле выговаривая слова, произнесла Людмила после минутной паузы. Бугор, наблюдая за ней, курил очередную сигарету.

– Деньги где?! – вопросом на вопрос тихо, но с нажимом спросил Бугор.

– Дочку мне приведите! – медленно ворочая языком, простионала она в ответ.

– Будет тебе дочка! Деньги где?! – заорал Бугор, раздраженный ее упорством.

– Где моя дочь?! – медленно выговаривая каждое слово, уже громко произнесла Людмила.

Раздраженный Бугор снова наотмашь ударил ее по щеке. Из разбитой губы потекла кровь.

– Ты что, не поняла, сука! Деньги нужны вперед! Ты что, думаешь, мы тебе обмен торжественный устроим?! А вдруг ты полиции настучала?! – нервно выпустив струю табачного дыма прямо ей в лицо, он продолжил: – В твоей ситуации выход один: когда деньги будут у нас, тогда и получишь адрес дочери! Ты поняла? Поняла, я спрашиваю? – проорал он последнюю фразу и еще раз ударил ее по лицу.

От боли Людмила вскрикнула. Почувствовав фальшивый тон в словах своего мучителя, она вдруг поняла, ощутила каждой клеточкой своего сердца, что рушится все, что дорого ей в этой жизни. Она забилась в кресле, пытаясь освободиться, вырывая руки из врезавшихся в кожу телефонных проводов.

– Где моя девочка-а-а? А-а-а-а-а! – невыносимый крик отчаяния вырвался из ее груди.

Бугор схватил кляп, пытаясь затолкать его Людмиле в рот.

– Закрой пасть, сука! Убью! – орал он, не силах справиться с обезумевшей матерью. Людмила крутила головой, вырывалась и пыталась укунить ненавистную руку этого нечеловека, укравшего у нее ребенка. Подбежавший на крик Хуан с разбега ударил ее кулаком в голову. Людмила затихла.

– Заткни ей рот! – Бугор подал тряпку Хуану и вышел из прихожей в гостиную.

Движимый внезапно наступившей жаждой, он подошел к открытому серванту и достал из ряда хрустальной посуды высокий стакан. На нижней полке шкафа стояло несколько бутылок вина. Справа светлым пятном белела бутылка водки с ярко-красной этикеткой «Столичная». Прихватив бутылку, Бугор перешел на кухню. Он сначала жадно выпил из-под крана стакан холодной воды, затем открыл бутылку и, засунув горлышко в стакан, наплескал в него водку.

– Хуан! – громко крикнул он и, не ожидая ответа, достал из шкафа попавшийся на глаза старинный зеленоватого стекла граненый стакан и наполнил его водкой до края.

Хуан зашел на кухню.

– На! Пей! Рашин водка! Давай! – в последний момент Бугор, передумав, взял в руки граненый стакан, подвинув Хуану хрустальный, расплескав из него водку на скатерть.

– Чтоб хоть выпить по-русски! – зло прошептав самому себе под нос, он выпил стакан залпом, как воду, и, не закусывая, вышел на темную веранду, нервно доставая из пачки сигарету.

С веранды было видно, как Хуан, давясь, с трудом сдерживая рвотные позывы, допил стакан водки и кинулся к холодильнику чем-нибудь заесть.

– Абориген хренов! В бога душу мать! – выругался Бугор. – Что я, Борис Бугров, делаю в этой забытой Богом Аргентине?!

Прикуривая сигарету, в свете пламени зажигалки он заметил стоящую на полу в углу бейсбольную битку. Надев снятую раньше с правой руки перчатку, он с бейсбольной битой вернулся на кухню.

– Пошли! Нехристь! Ком! Стены простучим. Деньги не найдем – будем делать больно!
– он протянул битку аргентинцу.

Войдя в комнату Людмилы, Бугор остановился, пропустив вперед Хуана. Он раскрыл стоящий справа от входа шифоньер и принялся методично ощупывать висящие на плечиках и сложенные на полках вещи. Стоящие наверху картонные коробки он смахнул на пол. Распихивая их ногами, он слышал за спиной, как Хуан выдергивает ящики из письменного стола, не переставая бормотать ругательства на испанском. Вот он ударил по столу битой и что-то хрустнуло. Бугор обернулся. Разбитая клавиатура компьютера лежала на краю стола. Хуан опять замахнулся битой. В следующую секунду снесенный сильнейшим ударом монитор отлетел к стене и упал на пол, рассыпав осколки пластмассы и пластика. Бугор хотел сдержать напарника, но передумал: «Какой с пьяного спрос? Пусть пары выпустит!»

За спиной Хуана он перекрестился на иконы, стоящие в верхнем правом углу. Обстановка в комнате напомнила ему далекое детство. Такие же иконы стояли в комнате его бабушки.

Хуан тем временем выдернул из-под стола компьютер. Системный блок, сделав кульбит, вылетел на середину комнаты. Бугор в очередной раз обернулся. Его внимание привлек глухой звук удара тяжелого предмета о металл, раздавшийся изнутри. Мгновенно мелькнула мысль: «В блоке же можно спрятать что угодно! Как он раньше об этом не подумал!»

– Стой! – Бугор поднял руку в предупреждающем жесте, остановив взлетевшую вверх для удара битку.

– Открой крышку! – он пальцем указал аргентинцу на заднюю панель.

По стеклянным глазам Хуана Бугор понял, что тот не может сообразить, что от него хочет напарник.

Бугор нагнулся и покачал системный блок руками из стороны в сторону. Громкий стук изнутри железной коробки просветил сознание ацтека.

– Понял? Нет?!

В черных зрачках Хуана промелькнула хищная улыбка, рот растянулся в улыбке, обнажив ряд желтых зубов. Кивнув головой, он хрипло произнес: «О'кей!» – жестом показывая, чтобы Бугор опустил коробку.

Подобрав среди рассыпанных по полу бумаг, карандашей, ручек, скрепок отвертку, Хуан медленными движениями открыл заднюю панель системного блока.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил Бугор.

В ответ на его вопрос аргентинец молча и многозначительно, чуть поджав губы и качнув головой, оценивая важность находки, достал из блока кожаную кобуру с торчащей из нее рукояткой пистолета, блеснувшей гранями вороненой стали, и передал оружие Бугру. Это был «берса тандер 380», самый популярный на гражданском рынке оружия в Аргентине.

«Чья же это пушка?» – спросил Бугор самого себя, рассматривая пистолет, удобно лежащий на ладони. Размышляя, что же делать дальше с этой находкой, он подошел к дверному проему и посмотрел в прихожую.

Людмила сидела в кресле. Она тяжело дышала, мотала головой. Глухое рыдание через заткнутый рот доносилось до Бугра тяжкими стонами.

Привычным движением большого пальца он надавил на кнопку выпуска обоймы. Обойма послушно скользнула вниз, и он поймал ее на лету левой рукой. Семь девятимиллиметровых патронов ровным строем желтели в прорези темного металла. Не вставляя обойму, он передернул затвор, проверив канал ствола. Ствол был пустой. Звон разбитого стекла заставил его обернуться.

Опьяневший Хуан продолжал бесноваться. Ударами биты он вмял в стену осколки стекла и бисер вместе с тканью иконы Николая угодника. Деревянная рамка разлетелась в щепки. Следующим ударом был повержен Георгий Победоносец. Затем цветным дождем разлетелись сорванные с белоснежного холста цветные шарики иконы Михаила Архангела. Потайного сейфа в комнате не было. Все разбитые рамки от фотографий икон, расколотые вдребезги, валялись на полу. Вошедший в раж Хуан размахнулся в очередной раз.

– Стой! – крикнул Бугор, но было поздно. Мощный удар обрушился на треугольную фанерную полку с иконами, закрепленную в правом углу комнаты почти под потолком. Бита не задела иконы, но многослойная фанера, прикрытая белой тканью со свисающими кружевами, отпружинив от удара, подбросила стоящие на ней предметы вверх. Большая деревянная икона с ликом Богородицы в золотом окладе полетела вниз на голову аргентинца, карая его за святотатство.

Хуан, шатаясь, подошел к Бугру, держась левой забинтованной рукой за голову. Из рассеченной кожи сквозь черную смоль волос сочилась кровь.

– Тьфу, блин! Теперь тебя, кретина, перевязывать надо! – Бугор со злости смачно сплюнул.

– Ком! Бинт доставай! – он пальцем коснулся бинта на руке аргентинца и следом легко подтолкнул его к выходу из комнаты.

Еще раз окинув комнату взглядом, Бугор вдруг заметил лежавший в самом углу на полке сверток. Подойдя к иконостасу, коснувшись свертка, он сразу понял, что это деньги.

В это время Хуан, тяжело переставляя ноги, бормоча под нос ругательства, волоча по полу битую, вышел в прихожую. Остановившись напротив Людмилы, он отнял забинтованную руку от головы и, увидев на повязке свежее пятно крови, заорал: «А-а-а! Сук-а-а! Убью-ю!»

В пьяном угаре ацтек ударил Людмилу битой по голове, вымещая на беспомощной жертве свою вскипевшую ярость, затем еще и еще несколько раз. Удары биты соскальзывали, попадая на ключицы, дробили их на мелкие кусочки. Шапочка, закрывавшая ее глаза, от скользящих ударов слетела на спинку кресла. Забывший в прихожую Бугор перехватил поднятую для очередного удара битую и вырвал ее у него. Заломив Хуану руку за спину, он развернул обезумевшего аргентинца в сторону дверей. Толкая его в спину перед собой, придав ускорение сопротивляющемуся и орущему Хуану, он толкнул его к выходу. Толчок был такой силы, что, не удержав равновесия, Хуан головой врезался в нижнюю часть входной двери и затих. Бугор стоял в центре прихожей, смотря на лежащего в неестественной позе напарника, успокаивая дыхание. В наступившей неожиданно тишине был слышен звук капающей из крана воды.

«Почему так тихо? – мысль прилетела в сознание после странного ощущения необычной ночной тишины и вызванного этим беспокойства. – Он ее грохнул! Точно!»

Брошенная им бита, нарушив тишину, с громким перестуком укатилась по паркету в угол. Бугор подбежал к Людмиле, прикоснулся к ее шее и сразу ощутил нервную строчку пульса под кожей. Он еще успел облегченно вздохнуть, как от неожиданного прикосновения Людмила очнулась, вздрогнула, чуть повернула голову и открыла глаза. Их взгляды встретились. Бугор, увидел расширенные от боли зрачки, замутненные слезами, в тот же миг отшатнулся. Находясь на грани иступления от болевого шока и душевной боли, Людмила взглядом, словно молнией, выпустила в мучителя столько ненависти, что выдавший виды Бугор оцепенел. Ни испуга, ни подавленности, ни животного страха, которые, как правило, видел он раньше у своих жертв, не было во всем ее облике. Она попыталась встать, чтобы из последних сил вцепиться мертвой хваткой в горло своего мучителя, но, чуть приподнявшись, лишь застонала от боли и беспомощно откинулась в кресло. Только сейчас ее лицо в подтеках крови, сочившейся из рассеченной кожи на голове, исказила гримаса страдания и боли. Бугор всей своим нутром почувствовал, что в лице этой женщины он приобрел смертельного врага. Холодный пот прошиб его, выступил испариной на лбу и тонкой струйкой побежал между лопаток по спине.

Людмила, закрыв глаза, от бессилия, обреченности и невозможности растерзать на куски человека, сломавшего ее жизнь, отнявшего ребенка, зарыдала, не пытаясь больше подняться. Слезы катились из ее глаз. Она то всхлипывала, то, раскачивая головой из стороны в сторону, кричала в надрыве, срывая голосовые связки, сквозь кляп одно слово: «Не-е-т! Не-е-т! Не-е-т! Не-е-т!»

Бугор попятился от нее и остановился, упершись спиной в противоположную стену. Он лихорадочно соображал: «Оставлять ее нельзя. Теперь она меня опознает в два счета! Нельзя! Нельзя! Вот сука!»

Хуан лежал у дверей. Бугор посмотрел на него, подбросил в руке найденный пистолет, словно взвешивая его значимость, затем подобрал с пола выроненный из рук пакет с деньгами, прошел на кухню и устало сел на стул.

Решение пришло само собой, когда он немного успокоился, допив остатки водки, закулив сигарету. Работая в перчатках, он не боялся, что оставит свои отпечатки в этом доме на посуде и тем более на оружии. Для полиции важно будет – кто стрелял из этого пистолета!

Слабый стон опять раздался из прихожей. Людмила, уже обессиленная, находилась на грани потери сознания.

«Нет! Ее нельзя оставлять! Русская баба, точно, и в горящую избу войдет. Она ж с меня потом, с живого, шкуру сдерет!» Ему все еще было не по себе. Его опять передернуло при воспоминании о ее пронзительном, леденящем душу взгляде. «Вот сука! Ведьма! Все! Пора с этим кончать!»

Он жадно сделал последнюю затяжку, бросил сигарету в кухонную мойку, встал. Открыв смеситель, Бугор налил полный стакан холодной воды, вышел в прихожую и выплеснул в лицо лежащего Хуана. От холодной воды тот вздрогнул. Дополнительные две легкие пощечины окончательно привели его в чувство.

– Стенд ап, май френд! Ком! – он помог ему подняться. – Иди, умойся, что ли? Абориген хренов! – он легко подтолкнул его по направлению к кухне. Пошатываясь и придерживаясь за стену, Хуан прошел на кухню, открыл холодную воду и жадно припал к никелированному крану.

Дождавшись, когда Хуан придет в себя, еще раз утвердившись в принятом решении, Бугор снова зашел в комнату Людмилы. Схватив с кровати две подушки и вернувшись обратно к дверному проему кухни, он громко позвал напарника:

– Хуан, держи! – он протянул пистолет подошедшему аргентинцу, вытирающему мокрый рот тыльной стороной забинтованной ладони, одновременно подав и обе подушки. Следом указал на сидящую в кресле Людмилу.

Перебинтованной рукой Хуан передернул затвор и, обернувшись, посмотрел на Бугра, сделав движение пистолетом в сторону жертвы, как бы еще раз уточняя серьезность его намерений. Бугор молча кивнул и скрестил руки, что означало: «Все! Конец!»

Хуан подошел вплотную к креслу. Взяв одну подушку, он прижал ее к груди Людмилы дулом пистолета. Продавив наполовину толщину податливого пуха, ствол «берса» утонул в складках ткани почти до взведенного курка. Сжатой в пятерне второй подушкой аргентинец прикрыл сверху руку, держащую оружие, и с появившейся на лице гримасой дьявольской улыбки хладнокровно всадил обреченной жертве две пули в сердце.

Звуки выстрелов поглотились толщиной подушек, лишь слегка потревожив металлическим лязгом затвора затихшее до этого пространство прихожей. Отразившись от поверхности стекол, зажатых в переплеты оконных рам, два звука один за другим растворились внутри дома, не вылетев наружу в ночное небо, не встревожив спящие окрестные улицы.

Хуан выпрямился и, отбросив верхнюю подушку в сторону, посмотрел на Бугра, как бы спрашивая: «Так пойдет?» Комната наполнилась белесым пороховым дымом. Ни один мускул не дрогнул на лице потомка ацтеков. Для него это была обычная работа, за которую ему хорошо

платили. Хуан привычным жестом сунул пистолет за пояс брюк, за спину, но, стукнув стволом об уже находящуюся там «беретту», протянул оружие напарнику. Вернувшись на кухню, он достал из кармана обломок сигары и начал привычно его раскуривать, добавляя белый табачный дым к растворяющемуся в воздухе пороховому запаху. Вид пустой бутылки водки вызвал у него моментальное раздражение. Здоровой рукой он смахнул ее со стола. Отлетев в холодильник, бутылка разбилась, осыпавшись на пол осколками стекла и уцелевшим горлышком с острыми рваными краями.

Тем временем Бугор зашел в комнату Людмилы. Присев к опрокинутому системному блоку компьютера, он положил пистолет внутрь металлической коробки, предварительно засунув его в кобуру. Подобрал отвертку, провозившись с поиском разбросанных винтов, он все же тщательно закрепил крышку и установил блок на прежнее место, под стол. Валявшуюся на полу икону Божьей Матери он поднял и поставил на полку, не забыв на выходе из комнаты широко и медленно перекреститься. Войдя в прихожую, Бугор сорвал с вешалки светлый женский плащ и набросил его сверху на окровавленную голову жертвы.

– Хуан! Ком!

Кряхтя и кашляя, аргентинец медленно подошел к напарнику, выпуская очередную порцию сигарного дыма.

– Все! Нас тут не было! – Бугор открыл на стене электрический щиток, отключил свет во всем доме. Теперь без подсветки крыльца можно было выйти из дома. Оглянувшись, он посмотрел на видневшееся в темноте светлое пятно плаща на кресле. Только сейчас до него дошло, почему он машинально закрыл ее лицо первым подвернувшимся под руку предметом. При своей рискованной жизни он уже мало чего боялся, может, лишь собственной смерти. Он где-то читал про случай, когда женщина, спасая ребенка, в порыве отчаяния подняла автомашину. Вот и сегодня только разбитые и переломанные плечи не дали Людмиле возможности вцепиться в него. Она бы его задушила, даже если бы он всадил в нее всю обойму. Почему он обернулся? Он вспомнил ее пронизывающий взгляд, опять почувствовал опасность, потому и обернулся.

Из оцепенения его вывел хриплый полусшепот Хуана: «Босс!» и влетевшая следом через открытую аргентинцем дверь освежающая ночная прохлада, холодком пробежавшая по спине и рукам. Хуан держал ногой входную дверь, терпеливо дожидаясь шефа. Бугор резко повернулся и быстрым шагом вышел из дома. Еще недавно крушивший в доме все на своем пути Хуан осторожно, без стука прикрыл дверь.

На исходе ночи двое мужчин быстро шагали по остывшему тротуару мимо спящих домов загородного поселка. Их силуэты подсвечивались слабым желтым светом уходящей с небосвода луны, отчего длинные наклонные тени стелились по земле, скользя по серой глади асфальта. Подпрыгивающие верхушки темных проекций от шагающих фигур цеплялись за кирпичные, чугунные, сетчатые ограды, словно пытаясь остановить своих хозяев, спешащих покинуть скорее место преступления, уходящих от разгромленного ими чужого дома. Ночной застывший воздух уже уступал место легкому свежему ветерку. Ничто в мире не изменилось. Громы и молнии не потрясли окрестности, испепеляя совершивших злодеяние людей. Планета продолжала свой круговорот. Ночь сменялась светлым днем.

Пройдя два перекрестка, они остановились.

– Хуан! Такси. Ком! – Бугор, решив, что самое время разделиться, показал ацтеку рукой на зеленый огонек такси, видневшийся в стороне, на освещенном участке площади у ресторана гольф-клуба. Вытащив из бумажника несколько сотен песо, протянул их ацтеку. Свою машину Хуан оставил, как обычно, у рынка. Кивнув, он охотно взял хрустящие купюры, но, взглянув на них, неожиданно ткнул пальцем в сверток, зажатый Бугром под мышкой.

– Мани! – хрипло прошипел он, глядя Бугру в глаза, не отпуская пальца от свертка.

– Да завтра! – устало отмахнулся от него Бугор. – Понял, нет, ацтек ты хренов?

Хуан отпустил сверток, по интонации напарника сообразив, что сейчас не время делить добычу.

– Мянана! – Бугор сказал слово «завтра» по-испански и добавил: – Фазенда!

– О'кей! – ответил аргентинец и молча отошел в сторону, растворившись в темноте.

Ночные фонари хорошо освещали проезжую часть дороги, не доставая желтым мерцающим светом закрытые деревьями участки тротуара.

Запахавшись от быстрой ходьбы, Бугор остановился в тени одного из них, положившего свои тяжелые ветви на чугунное, кованое ограждение коттеджа. Успокаивая дыхание, он вытер платком мокрое от пота лицо. Нависшие над тротуаром ветки, прогибаясь под резкими порывами ветра, шумели уцелевшими листьями. Этот шум листвы спасительно заглушал звуки его хриплой одышки.

Несколько минут назад Бугор на ходу выхватил было трубку телефона, в горячке ища на мерцающем экране нужный номер, но не нажал клавишу вызова. Пробившийся сквозь воспаленное сознание звук топота его собственных ног, в абсолютной ночной тишине отражающийся эхом от домов, вернул его к действительности. Сообразив, что его разговор в застывшем ночном воздухе будет слышен в каждом соседнем доме любому бодрствующему человеку, он решил не звонить. Всплывающие перед глазами картинки произошедшего убийства и кружащиеся в голове мысли о его последствиях не давали возможности успокоиться и взять себя в руки.

Только сейчас, отдышавшись, он набрал телефон Жорика. Закрывая ладонью трубку, в шуме деревьев говоря чуть громче обычного:

– Слышишь меня? Что как?! Да никак, мать твою! Заберешь меня в конце второго квартала! Быстрее! – переведя дыхание, услышав в телефоне звук заведенной машины, он уже спокойнее продолжил: – Подгони машину тихо. Все понял? Давай!

Через пару минут свет фар «мерседеса» выхватил из темноты пространство спящей улицы.

– Давай домой! Только не гони. Время есть. Нам сейчас с ментами... тьфу, блин, с копами, ни к чему встречаться.

Бугор устало откинулся на спинку кресла, забросив пакет с деньгами на заднее сиденье.

– Ну, че там? Как? – нетерпеливо спросил Жорик, довольный видом пакета с деньгами, поворачивая руль из стороны в сторону, на малой скорости плавно вписывая машину в повороты кварталов.

Бугор не ответил. Закрыв глаза, он нервно стучал по дверной ручке пальцами. Они выехали из поселка. Жора остановил машину на светофоре, перед выездом на шоссе. Опустив стекло, достав из пачки сигарету, он прикурил, небрежно бросив зажигалку в пластиковый приемок возле пепельницы. Красный свет светофора освещал лицо Бугра, осветив Жорику осунувшееся, уставшее лицо шефа. Прерывая затянувшееся молчание, он сплюнул в сердцах в открытое окно:

– Слышь, Бугрим, ты че в молчанку-то ушел? Бабки вижу! Теперь нам все фиолетово! Че ты тогда смурной такой?

Видя, что сосед не реагирует на его распросы, продолжая о чем-то думать с закрытыми глазами, тем не менее старался вызвать его на разговор:

– Хуан где? Че он там, ночевать собрался? Я эту рожу пьяную забирать не буду. Я час после него машину проветривал. Пусть на тачке выбирается, как хочет!

– Сигарету достань, – вместо ответа перебил красноречие Жорика Бугор, открыв наконец глаза.

Жорик с готовность передал сигарету, угодливо щелкнув зажигалкой и поднеся шевелящийся желтый язычок пламени к лицу напарника.

Машина выехала на шоссе.

– Слушай сюда, – наконец произнес Бугор и, жадно затянувшись, продолжил: – Сижу вот и думаю, что дальше делать.

Бугор опять взял паузу, опустив стекло, подставив лицо врывающемуся в салон свежему ночному ветру.

– Ну, че там за хрень-то, не томи, братан! – взмолился Жорик.

Бугор продолжил:

– Я пока в комнате пакет с деньгами с полки снимал, он бабу эту битой бейсбольной всю размолотил! Она в кресле сидела, привязанная, в коридоре... – он опять помолчал, что-то перемалывая в голове, сплевывая в окно, и произнес, тяжело вздохнув: – Так получилось, что она меня хорошо рассмотрела...

– Ну и что?

– Пришлось ее пристрелить.

– Че теперь? – тихо спросил обеспокоенный Жорик.

Бугор откинулся назад, взял с заднего сиденья пластиковую бутылку воды и осушил ее из горлышка до дна.

Они проехали несколько минут в полной тишине. Бугор продолжал опять о чем-то напряженно думать, но неожиданно вдруг заговорил, рассуждая вслух:

– Завтра утром труп обнаружат... Пока соберут отпечатки по всему дому, пока их идентифицируют... Что это значит, Жора? – задал он вопрос внимательно слушавшему его Жорику и, не дожидаясь ответа, сделал вывод: – В общем, день у нас в запасе... Моих пальцев там нет и у них в картотеке нет! Есть ли у них на Хуана данные?

Они ехали уже по улицам города мимо освещенных витрин магазинов, баров, ночных клубов. Бугор достал сигарету, прикурил, затем, сделав пару затяжек, продолжил:

– Я же биту этому уроду в руки дал стены простучать.

– За что он ее, сунс гребаный? – спросил Жорик и сам продолжил: – Про мокруху же мы с ним не договаривались! Ты же рожу его только для испуга с собой взял, да и то, чтобы на местных потом все свалить!

– Руку она ему прокусила, да еще икона потом сверху упала, башку ему пробила, – ответил Бугор и добавил с сожалением: – Как я за ним недоглядел?!

– Икона – это хреново! Примета плохая! – вскользь бросил Жорик, притормаживая на светофоре у большого перекрестка.

– Да вот так, видимо, и получилось! – согласился Бугор.

– Да, дела! – вымолвил Жорик и переспросил: – Кто стрелял? Хуан?

Не услышав ответа, он оставил шефа в покое, поняв, что черновую работу выполнил аргентинец. Долго ехали молча. Бугор откинул спинку кресла. Голова отяжелела от бессонной ночи. Закинув руки за голову, он лег на спину в надежде вздремнуть несколько минут и взглянул через открытый в крыше люк на небо.

* * *

Он вспомнил, как познакомился с Хуаном. Это было в первый год его приезда в Аргентину. Тогда он организовывал поставки мяса на два ближайших рынка, скупая у фермеров туши оптом. Увидев подъехавшего на рынок ацтека, он навел о нем справки у грузчиков.

– Бешеный он, этот мексиканец! Лучше с ним не связываться. Ему что корову зарезать, что человека – все равно.

Они с Жорой все-таки купили у него несколько партий телятины, и Хуан понял выгоду поставок своей продукции постоянному оптовику.

Ночной южный безоблачный небосвод в просвете люка, незамутненный пыльным стеклом, завис над ним в вышине темно-синим экраном, собравшим в себя яркое свечение малень-

ких и больших звезд, выстроившихся в причудливые созвездия, и виднеющихся за ними далеких расплывчатых туманностей. Бугор закрыл глаза и, память вернула его в тот день, когда он вот так же, очнувшись в машине, с трудом открыв щелочки заплывших глаз, увидел над собой в рамке потолка такое же небо.

Машина летела по дороге, попадая в выбоины асфальта. Каждая неровность, подбрасывая его на разложенном кресле, отдавалась болью в грудной клетке. Как потом выяснилось, у него были сломаны два ребра. За рулем сидел Хуан.

Это было в первый год проживания Бориса в Аргентине. В тот осенний день он возвращался в Буэнос-Айрес с севера, из Росарио, куда ездил осмотреться и приглядеться к рынку. До города оставалось шестьдесят километров, когда, проехав поселок Рио Лухан, увидев вывеску «Гриль Джино», он свернул с трассы, заехал под мост и остановился у таверны. В прокуренном пустом зале за ближним столиком у окна сидела шумная пьяная компания. Заказав кофе, Борис сел за барную стойку. Сзади слышались тяжелые шаги. К стойке подошел мужчина лет тридцати, крепкого телосложения, в распахнутой кожаной куртке. Белокурые волосы свисали до плеч. Сделав жест бармену, блондин повернулся к нему лицом и вальяжно облокотился на барную стойку. На груди, на черной майке, красовался белый череп. Взяв стакан с текилой, этот тип сначала спросил его по-английски, очевидно, приняв за американца:

– United States?

Борис тогда не хотел отвечать, но, чтобы не провоцировать молчанием ненужной ссоры, нехотя ответил:

– No.

Удивленно хмыкнув, этот белобрысый весело выкрикнул уже на немецком:

– Deutschland!

В зале стало тихо. Он тогда еще оглянулся. Вся компания улыбалась, ожидая от своего друга какой-нибудь веселой выходки.

– Кто ты? – не унимался блондин, задав вопрос уже по-немецки. Сидящая за столом компания дружно поддерживала его:

– Эрих, давай!

Он тогда уже понял, что перед ним потомки немецких эмигрантов, поселившихся в Аргентине после войны. Об этом красноречиво говорила и синяя фашистская свастика, наколотая на руке этого типа. Отвернувшись к стойке, Борис непринужденно отхлебнул кофе, как вдруг почувствовал, что брючина на коленке стала мокрой. Эрих медленно из стакана выливал ему на брюки текилу. Компания за столом дружно захохотала. Это действие означало, что ты, мужик, как бы сам намочил штаны. Это было уже слишком.

– Ах ты, сука! – громко сказал он и в наступившей тишине, не суетясь, стряхнул рукой влагу со штанины, затем, подняв голову, посмотрел обидчику в глаза. Было видно, как немец поменялся в лице. До него дошло, что перед ним русский!

Тогда Борис не обдумывал последствий своих действий. Это была его война. Спрыгнув с барного стула, еще не приземлившись на пол, он с разворота резко ударил блондина в челюсть. Немец улетел в зал, упав спиной на ближний столик, который развалился под ним на части. Гаденыш лежал, не поднимаясь.

«Это хорошо!» – подумал он, но трое, вскочив из-за стола, уже шли ему навстречу. Борис с детства, с первых драк на питерских улицах, знал, что лучшая защита – это нападение. Бросившись в атаку, он схватил стул у развалившегося столика и сломал его о бритую голову одного из них, подошедшего к нему ближе всех. Он еще успел увернуться от удара третьего из компании, низкорослого крепыша, и врезать ему в челюсть, как прилетевший в голову кулак подоспевшего последнего, старшего из них, громилы, отбросил его назад.

Потом его, избитого, они вчетвером, под локти, потащили на улицу. Вся площадка перед заведением была хорошо освещена фонарями. Если бы не выехавший на своей машине со

двора таверны Хуан, неизвестно, был бы он сейчас жив или нет. Хуан в тот вечер привез в таверну свежее мясо и, закончив расчеты с хозяином, поставив машину у входа, решил зайти в бар, промочить горло перед дорогой. Они столкнулись на выходе из таверны. Он и Хуан. Лоб в лоб.

Со времени их знакомства на рынке прошло, наверное, полгода, и ацтек сразу узнал его. Отступив назад, он удивленно вскинул руки, увидев своего оптовика, избитого в кровь, когда открывший двери и державший Бориса блондин, освобождая дорогу, грубо толкнул Хуана в грудь. От толчка тот упал на асфальт.

Возбужденная дракой компания прошла мимо сидящего на земле Хуана, таща Бориса под руки, не обращая на низкорослого аборигена внимания. Узнав Хуана, Борис обрадовался, увидев знакомое лицо, но когда Хуан упал, понял, что помощи ждать неоткуда, и приготовился к самому худшему. Дальше все было, как в голливудском вестерне. Выстрелы, два подряд, прозвучали неожиданно.

Это потом он понял, что поднявшийся на ноги Хуан достал из-за пояса пистолет и, не раздумывая, всадил в спины громиле и второму, низкорослому, по пуле. Оба немца, словно споткнувшись о препятствие, рухнули на землю лицами вниз.

Обернувшиеся на выстрелы блондин и бритоголовый, державшие его, от неожиданности выронили свою ношу из рук. Борис, упав, еще лежал несколько секунд лицом на теплом пыльном асфальте, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, как вдруг снова сильные руки схватили его и подняли в воздух. От боли в глазах стало темно. Очнулся он уже в машине Хуана.

На другой день на ферме Хуана, уже чуть отлежавшись, он узнал от него все подробности. Под дулом пистолета аргентинец заставил немцев погрузить его в машину, на заднее сиденье, и тут же у машины застрелил их обоих. Договорившись с хозяином таверны, вышедшем со двора на звуки выстрелов, об уборке трупов, Хуан сел в машину и повез Бориса к себе.

Его ферма находилась в десяти километрах от шоссе, в пойме реки Лухан, недалеко от впадения ее в судоходную Парану. Все хозяйство Хуана состояло из старого одноэтажного дома, построенного еще в начале прошлого века, обитого досками, под крышей из крашеной жести, и такого же небольшого, отдельно стоящего приземистого дома для работников, и амбара со стенами и крышей из оцинкованного профнастила, внутри которого, как он потом узнал, находились бойня и холодильник.

Загоны для скота и отдельно для двух лошадей, из круглых жердей на коротких столбах, располагались чуть в стороне, закрытые от дома двумя длинными деревянными навесами, под одним из которых стояли два трактора, прицепное оборудование, а под другим в несколько рядов лежало скрученное в десятки тюков сено. Два строительных вагончика: один – для размещения сезонных рабочих, второй, с огороженной забором территорией, приспособленный под склад, – закрывали собой летнюю кухню и огород.

В одном из этих вагончиков Борис и отлеживался две недели. Перед самым его отъездом Хуан зашел к нему с бутылкой текилы. Борис спросил:

– Всегда носишь с собой оружие? Почему ты отбил меня от немцев?

Ответ аргентинца поразил его своей простотой:

– Раньше я не расставался с ножом, но однажды он мне не помог. Я был с деньгами, и меня ограбили двое с револьверами. С тех пор пистолет у меня всегда с собой. В тот вечер мы с Хосе посчитали деньги. Я шел в бар и увидел тебя. Они грубо обошлись со мной и тащили тебя в машину, чтобы прикончить где-нибудь в дороге! Ты мой компаньон, ты был один, а их четверо. Поэтому я их убил! Люди Хосе положили трупы в машину и столкнули в Лухан. Лухан – глубокая река, и вода в ней всегда мутная.

Борис уже выходил, прогуливаясь, на берег реки и видел, что вода в ней действительно коричневого цвета, очевидно, от размытых примесей глины.

После этого он подумал, что судьба не зря свела его с человеком без тормозов в голове. Принадлежность Хуана к коренному населению Америки, устрашающая внешность и самое главное – готовность хладнокровно убивать, не задумываясь о последствиях, могут быть полезны, если осторожно и аккуратно заняться здесь, в Аргентине, знакомым ремеслом – тем, чем он, Борис, занимался в России.

Торговля мясом на рынке давала им с Жориком небольшой доход, позволяющий жить, не заглядывая в карман, благодаря неплохому спросу на говядину, но было понятно, что одной торговлей мясом в стране, где производство этого продукта является одним из основных, на жизнь не заработаешь. Он только потом узнал, что аргентинцы едят мясо три раза в день, даже на завтрак, и все благодаря его доступной цене.

Борис вернулся в Буэнос-Айрес. Прошло еще две недели, когда они с Жориком, обсудив результаты наблюдения за одним богатым бизнесменом, решили, что дело стоящее и клиента можно брать. Именно тогда Борис решил проверить Хуана в деле. Когда тот в очередной раз приехал на рынок с партией свежего мяса, он попросил его помочь вернуть должок якобы одного из партнеров по бизнесу, пообещав хорошие деньги за эту работу. Хуан согласился. Ночью они проникли в дом, когда хозяин был один, и заставили его выложить деньги. Особо с ним возиться не пришлось. После того как они привязали его к креслу, расквасили нос и Хуан приставил к его голове пистолет, он выложил им пароль от сейфа. Этот человек не был должен Борису ни одного песо, но Жорик точно установил, что этот владелец сети магазинов имеет привычку держать наличные в доме.

Началось все со случайно подслушанного им разговора у кассы одного из магазинов перед самым его закрытием, а затем месячное наблюдение за магазином подтвердило, что выручку директор магазина регулярно привозит хозяину домой. Подтвердилось и предположение Жорика, что этот «бледнолицый» – потомок послевоенных эмигрантов из Германии, когда тот, поняв безысходность положения и реальную угрозу для своей жизни, произнес несколько раз по-немецки: «О майн гот!»

Обсуждая потом с Жориком это удачно завершённое дело, они пришли к выводу, что еще не известно, на какие дойчмарки, его деда или папаши, была раскручена эта небольшая, но давно известная в городе сеть магазинов.

С тех пор их с Жориком общак стал пополняться грабежами. На Хуана общак не распространялся. С ним расчет наличными производился каждый раз по завершении дела. Каждое ограбление готовилось очень тщательно. Жора выслеживал намеченную жертву, досконально изучая все детали жизни, привычки и слабые места человека. Ему с Хуаном оставалось только проникнуть в дом и найти деньги. Имевшийся у Хуана пистолет «берса», аргентинского производства, был хорош тем, что патроны к нему можно было купить в любое время, но для их дел нужно было другое оружие. Очень скоро Борис купил для Хуана еще и «беретту» с глушителем. Сам он работал всегда в перчатках и маске.

* * *

С Чистовой вышло все по-другому. В тот день он разыскал в городе затерявшуюся среди высоток церквушку, накануне вспомнив о дате смерти родителей. Впервые за время эмиграции, увидев голубые купола с крестами, так напомнившие ему Россию, Борис с волнением зашел в церковь, чтобы поставить свечи за упокой души отца, матери и бабушки. Случай свел его с Чистовой под сводами храма. Став нечаянным свидетелем ее беседы с настоятелем, он невольно прикинул в уме стоимость четырехкомнатной квартиры в Москве, и мысль ограбить русскую эмигрантку пришла к нему, когда он еще стоял у алтаря, крестясь на икону Божьей Матери. Выйдя из церкви, тут же забыв про Бога, он начал слежку за ней, сопроводив ее на машине до самого дома.

«Зачем я тогда сделал это?» – впервые подумал он. Но сейчас уже поздно об этом рассуждать: Чистова мертва и в этом изначально виноват только он, Борис Бугров. Почему он тогда не остановился? Она казалась ему легкой добычей. Соблазн получить большие деньги был так велик, что он спланировал все действия, даже не сомневаясь в их правильности, рассуждая, как Робин Гуд, что неспроста семья с тремя детьми эмигрировала из России, распродав там все имущество. Они с Жориком начали за ней слежку. Установили фамилию, состав семьи. Вариант прямого ограбления не проходил, так как она держала деньги в банке.

Размышляя тогда о том, как вынудить Чистову расстаться с деньгами, Борис вспомнил про складской вагончик на ферме Хуана. Огороженный с трех сторон забором, с решетками на окнах, выходящими наружу, он идеально подходил для временного размещения там не только материальных ценностей, но и людей. Именно серый, потемневший от времени деревянный забор, с прибитой по верхней кромке колючей проволокой, как две капли воды похожий на один из многочисленных заборов Владимирской тюрьмы, где он отсидел пять лет, навел его на мысль похитить у Чистовой ребенка, дочь. Посвященный в план похищения, Хуан освободил территорию и привел помещение внутри вагончика в порядок, поставив там кровать, стол и табурет. На территории склада люди Хуана сколотили туалет и к вагончику протянули водопроводную трубу с краном. До сегодняшнего дня они никого не убивали.

* * *

Бугор тяжело вздохнул и сел, подняв спинку кресла. Спасительный сон не приходил. Приоткрыв боковое стекло, он закурил сигарету. Они уже въехали на улицу, где была его съемная квартира. Вспомнив о вагончике за забором, он задумался о том, как поступить с пленницей теперь, когда все зашло так далеко. Дочь не должна знать, что ее матери уже нет в живых. Известие о гибели матери может резко изменить ее поведение, даже несмотря на то, что сейчас она под действием успокоительных. После истерик первого месяца заточения они вынуждены были начать давать ей таблетки.

Словно прочитав его мысли, Жорик неожиданно задал вопрос:

– Что с девчонкой делать будем, босс? Ты ж вроде хотел на ней еще денег срубить.

– Тебе чего, этого бабла мало?! – Бугор неожиданно раздраженно повысил на него голос, и, не ожидавший такого ответа, Жора замолчал.

Бугор ненадолго задумался. Он давно не был на ферме. И уже миролюбиво спросил помощника:

– Ты когда к Хуану последний раз ездил, как там обстановка?

– Работников он, похоже, поменял. Рожи новые, точно. Пришибленные какие-то! Трое их было. Тихие какие-то. Не говорят ничего. Ходят как тени, чего-то там шевелятся. В навозе ковыряются. Может, обкуренные? Те, что раньше работали, поживее этих были. Пастухов не видел. Загоны пустые. Днем же приезжал. Все стадо на выпасе. Хуана дома не было, – примирительно ответил Жорик.

Вспомнив вторую часть вопроса, он в спешке продолжил:

– Да! Все ништяк! Ничего нового. Кухарка готовит. Все та же. Баба эта толстая. Жена его на кухне тоже постоянно. Что сами едят, то и девчонке дают. Там круглый год одно и то же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.